корпораций, что на уровне общественных организаций, что на уровне политических структур, что на уровне аппаратно-государственной системы, – сформированный в рамках модели, действовавшей последние 30 лет. Корпус, совершенно не готовый к ситуации, когда эта модель работать не будет. Менеджер – это инженерная специальность. Его учили отвечать на вопрос «как», а не на вопрос «почему». На последний вопрос в нашей стране отвечает фундаментальная наука. Поэтому бессмысленно предъявлять менеджеру претензии, что он не знает, как выйти из кризиса, если кризис вызван не ошибками компании, а принципиальными изменениями на рынке.

Еще раз подчеркну, что весь рост трех предшествующих десятилетий обусловливался выдачей кредитов домохозяйствам. Сегодня спрос падает. Как вести себя и работать в такой ситуации, бизнес не знает. И самостоятельно, мобилизуя внутренние ресурсы, придумать ответ не в состоянии. Более того, он и не должен этого делать. В такой ситуации ему должны объяснить правила игры. Объяснить только через координирующую роль государства.

Я не верю в то, что сегодня могут дать успех инновации или еще что-то в этом роде. Для сведения: в начале 80-х годов сама идея кредитной поддержки спроса, приведшая к теперешнему кризису, была вызвана тем, что руководство США любой ценой стремилось запустить новую инновационную волну. На падающем спросе, а в 70-е годы был тяжелый кризис и доходы американцев непрерывно снижались, это невозможно сделать. Вот и нашли выход. В сегодняшней ситуации отдельные инновации могут работать только в том случае, если они будут существенно сокращать издержки типового производства. Ну, например, снизить стоимость электричества в 2 раза. Это да. Все остальное, когда у граждан не хватает денег на уплату очередного взноса за квартиру или коммунальных платежей, продаваться не будет. Рассчитывать, что они будут покупать новые гаджеты, – наивно.

Еще одно замечательное обстоятельство. Денег в мире выше крыши – потому, что они все были сделаны под активы, которые частично упали по стоимости или превратились в нуль. И вопрос: куда девать деньги, как получить прибыль – для бизнеса решающий. И для нашего, и для мирового в целом.

Я не претендую на то, что нашел окончательный ответ.

Тем не менее, мне кажется, что сегодня ключевым элементом взаимоотношений государства и бизнеса становится создание институтов, которые поставят перед собой задачу стратегического планирования. Не столько экономического развития, сколько правил игры. Нужно понять и трезво посмотреть на происходящие в мировой экономике процессы, проанализировать их и отдать себе отчет в том, какими последствиями они чреваты. Без координирующей роли государства эта работа невозможна. Более того, такие институты должны быть вне пределов конкретного бизнеса, потому что единственная цель бизнеса – получение прибылей, а данные институты будут «заточены» совсем под другое.

И, наконец, государство обязано играть координирующую роль в части решения тех проблем, которые неизбежно возникают в среде бизнеса и в его отношениях с обществом. Когда в мире кризис, и кризис долгий, то проблемы банкротства, безработицы, структурных изменений выходят за рамки конкретных бизнес-структур. Они требуют серьезных системных подходов. Институты, о необходимости создания которых я только что сказал, и могли бы взять на себя задачу спрогнозировать наши дальнейшие посткризисные шаги, в том числе и алгоритм экономического развития хотя бы на ближайшие пять лет.

НОВАЯ КНИГА

Кармен М. Рейнхарт, Кеннет С. Рогофф. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства

[Пер. с англ. Д. Стороженко]. М.: Карьера Пресс, 2011. 528 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ **Михаила ХАЗИНА,** президента компании экспертного консультирования «НЕОКОН», действительного государственного советника в отставке.

Крупномасштабный финансовый крах не раз потрясал основы экономического благосостояния отдельных стран, а то и целых континентов с регулярностью, никак не оправдывающей извечный оптимизм и участников рынков (предпринимателей и финансистов, потреби-

телей и рантье), и регуляторов этих рынков (центральные банки и финансовые ведомства, правительства и международные финансовые организации).

Теме этой посвящено множество первоклассных книг, в том числе и на русском языке. Тут и сравнительный анализ Чарльза Киндлбергера, недавно дополненный его учеником и сотрудником Робертом Алибером, и блестящий анализ «великого краха», проделанный Кеннетом Гэлбрейтом, и многие другие.

Попытки понять кризисы в их общности – и одновременно разнообразии – стимулировали таких разных экономических мыслителей, как Карл Маркс и основатель американского Национального бюро экономических исследований Уильям Митчелл, Николай Кондратьев и Джон Мейнард Кейнс.

По сути, именно экономические кризисы являются едва ли не основным стимулом к прорывным изменениям в экономической науке. Каждый по-настоящему серьезный экономический кризис в странах, в которых предполагается существование серьезной экономической науки, приводил к кризису самого фундамента последней. Объяснение здесь очень простое: общество ожидает от экономической науки если не предупреждения кризиса как такового, то хотя бы своевременного предупреждения о надвигающемся кризисе, а она всякий раз не отвечала этим ожиданиям.

Прошедшая за последние полвека почти тотальная математизация экономического знания удивительным образом обошла исследование кризисов.

Впрочем, если задуматься, ничего удивительного здесь нет. В рамках неоклассической экономической теории (НЭТ) для описания кризисов в принципе не может быть инструментов, ибо в основе НЭТ лежит представление об общем равновесии, а кризис по сути своей есть неравновесный процесс.

Что же касается других направлений экономической мысли, то со времени неоконсервативной революции конца 70-х начала 80-х годов XX века они во все большей степени поглощаются мейнстримом. В кейнсианство математический формализм был привнесен еще Хиксом и Самуэльсоном, а в последние десятилетия его широкое применение полностью вытеснило из научного обихода наиболее плодотворные – и наименее легко математизируемые – прозрения и самого Кейнса, и таких «нематематических» кейнсианцев, как Гэлбрейт или Ростоу.

Почти такая же судьба постигла и неоинституционализм: он превратился в неоинституциональную экономическую теорию, ставшую частью мейнстрима. Неоинституционализм просто оказался совокупностью частичных уточнений к неоклассике, смысл которых сводится к тому, что они дают возможность написать некоторое число новых статей и защитить еще несколько диссертаций по теме, в которой ничего принципиально нового давно уже не придумывается.

В результате сегодняшний экономический кризис выявил несостоятельность не какого-то отдельного направления мысли, а всей официальной экономической науки в целом, в том виде, как она сложилась на данный момент. Для нее этот кризис оказался неожиданным, равно как неожиданным стал и характер его развертывания – достаточно посмотреть многочисленные прогнозы, сделанные на первой стадии кризиса, и сравнить их с тем, что случилось на самом деле.

Только отдельные представители австрийской экономической школы, давно уже оттесненной на обочину мейнстрима, некоторые левые (остались еще и такие!) исследователи, да редкие независимые экономисты, нашедшие в себе смелость противостоять официальной парадигме, смогли как предсказать наступление кризиса, так и определить его основные черты и закономерности.

Теория кризисов сегодня становится той площадкой, на которой может быть создана новая парадигма экономической науки – науки, имеющей дело не с математическими абстракциями, а с реальными процессами в реальных, а не выдуманных экономиках.

С этой точки зрения представляемая читателю книга содержит уникальный, нигде ранее в таком объеме не публиковавшийся материал об истории мировых финансовых и экономических кризисов.

Написана книга двумя очень известными авторами. Профессор Гарвардского университета, главный экономист и руководитель исследований МВФ в 2001–2003 гг. Кеннет Рогофф не только один из ведущих ученых в области сравнительного изучения экономик. Любителям шахмат он известен и как участник Межзонального шахматного турнира 1976 г.

Профессор Кармен Рейнхарт, руководящая в Университете Мэриленда Центром международной экономики, за последние 20 лет стала одним из ведущих специалистов по экономическим кризисам. Именно она в начале 1990-х писала о переменчивости притока капитала на развивающиеся рынки и высокой вероятности обратных оттоков, что проявилось в мексиканском кризисе 1994–1995 гг. Ей же принадлежит обоснование на обширном историческом материале связи между «пузырями» в цене залоговых активов и банковскими кризисами и анализ того, как последние могут провоцировать еще и валютные кризисы, опубликованные в 1996 г., – именно таким оказался механизм азиатского кризиса 1997–1998 гг.

Рогофф и Рейнхарт скомпилировали уникальную базу данных по:

- индексам потребительских цен для 66 стран, причем, например, для Австрии временные ряды берут свое начало с 1440 года, для Германии – с 1427 года, для Японии – с 1600 года;
- номинальным обменным курсам валют для 65 стран, в основном для XIX и XX веков;
- обменным курсам на серебро для валют 12 стран с XIV по XX век;
- серебряному содержанию валюты для 14 стран с XIV по XX век;
- индексам номинального и реального ВВП в национальной валюте для 40 стран в период XIX-XX веков;
- ВВП по паритету покупательной способности для 66 стран, причем для большинства из них глубина временных рядов превышает 180 лет;
- налоговым поступлениям и государственным расходам в национальной валюте для 66 стран с глубиной временных рядов, составляющей, например, более пяти веков для Великобритании и более двух с половиной столетий для России;
- общему обороту внешней торговли для 61 страны с глубиной временных рядов в основном около двух веков;

- государственному долгу (и внешнему, и внутреннему) для 66 стран с глубиной временных рядов, простирающейся более чем на три столетия.

Авторами собраны данные по банковским кризисам, произошедшим с 1800 по 2008 год.

Одни только эти данные являются блестящим подспорьем (справочником, библиографическим путеводителем, источником числовой и нарративной информации) для любого исследователя кризисов, и этого одного должно быть достаточно, чтобы книгой «На этот раз все будет иначе» заинтересовался всякий вдумчивый экономист.

Но авторы не просто консолидируют огромные объемы более чем полезной информации. Они пытаются выявить общие черты кризисов, понять, каким образом можно если не предотвратить сам кризис, то хотя бы своевременно предупредить о его неминуемом скором наступлении.

Правильно отмечая, что эконометрического анализа данных за последние 50 лет (проведенного их бывшими коллегами по МВФ в прошлогоднем отчете по индикаторам системных рисков) явно недостаточно для выявления общего и особенного в каждом кризисе и каждом крахе, Рейнхарт и Рогофф используют систематизированные ими залежи количественной информации, чтобы построить какое-либо приближение к экономической теории финансово-экономических кризисов. И обнаруживают, что первопричиной кризисов является либерализация финансовых рынков – факт, по всей видимости, не нуждавшийся в столь титанических усилиях по его выявлению и доказательству, ибо о нем писал еще действительный создатель не только гелиоцентрической модели мира, но и количественной теории денег Николай Коперник.

Полезной, хотя и вряд ли чрезвычайно впечатляющей (просто потому, что и прямо вытекает из соображений здравого смысла, и непосредственно следует из теорий кризисов, формулируемых в хорошо приспособленных для этого австрийской или шумпетерианской традициях, абсолютно игнорируемых авторами, а не только из титанических эконометрических усилий Рейнхарт и Рогоффа), является и предлагаемая авторами иерархия индикаторов надвигающегося банковского или валютного кризиса. Независимые рейтинги от Moody's или «Институционального инвестора» вряд ли будут более надежными, чем такие показатели возникновения «пузырей», как резкое ускорение роста цен на залоговые активы, то есть реальной цены на недвижимость и реальных курсов акций, во-первых, или резкий приток внешнего капитала – во-вторых. (А именно в этом состоит предлагаемая авторами иерархия.) Правда, наблюдение за мировыми ценами на сырье сегодня заставляет скорее всего расширить этот перечень: фьючерсы – и на нефть, и на основные металлы – оторвались от фундаментальных обоснований и парят в небесах ничуть не меньше, чем биржевые индексы. Для такого заключения опыт прошлого дает основания лишь содержательно-логические, но не эконометрические – почему его в принципе и не могут сделать Рейнхарт и Рогофф. То есть книга, претендующая на то, чтобы снабдить практиков набором инструментов для борьбы с грядущими бедами, а теоретиков – уникальным новым знанием, предлагает инструменты для выигрыша прошедших войн, и только.

Еще более странной выглядит ситуация с потенциальной (да и актуальной, если судить по рецензиям в прессе США и Великобритании, Ирландии и Новой Зеландии – короче, англоязычного мира) реакцией на эту книгу. Книгу восхваляют – и вполне заслуженно. Но за что же?

Не за научный подвиг консолидации и верификации кладезей информации. Не за (умеренные, как мы отметили раньше) теоретические достижения.

Книгу превозносят как обоснование «осторожности в наращивании долговой нагрузки» (соображение, конечно, содержащееся среди многих идей книги – ибо авторы не отрицают того очевидного факта, что рост госдолга повышает вероятность валютного кризиса, то есть риск девальвации или гиперинфляции, – но никак не составляющее ее основное содержание). При этом критиками практически полностью игнорируется представляющееся нам более важным заключение, что финансово-экономические кризисы являются неизбежным – как показано авторами на огромном материале сотен финансово-экономических кризисов – результатом либерализации финансовых рынков.

Получается, что в книге в большей мере видят то, что устраивает читателя, чем то, что в ней есть. Для такой амбивалентности прочтения, честно говоря, Рейнхарт и Рогофф сами дают достаточные основания.

Текст полностью очищен от нарративных описаний кризисов («анекдотических», в исходном, как в «дней минувших анекдотах» у Пушкина, смысле слова), позволяющих читателю испытать чувство сопричастности, как при чтении и «Великого краха» Гэлбрейта, и «Маний, паник и крахов» Киндлбергера. И с одной стороны, он требует от читателя некоторого минимального интеллектуального усилия для преодоления скучноватого анализа табличек и графиков. С другой же стороны, некоторые личные предубеждения авторов (быть может, вполне обоснованные) не проговариваются в явной форме, хотя в очень сильной степени структурируют изложение, и такая (скорее всего непреднамеренная) манипуляция требует от читателя специального – и немалого – усилия по ее выявлению и защите от нее.

Полагаю, что вдумчивый читатель сумеет извлечь главный урок, который, на мой взгляд, содержится в книге. Урок этот следующий: нет и не может быть универсальных, на все случаи жизни рецептов распознавания и предсказания кризисов. Но это не значит, что кризисы предсказать невозможно. Надо просто знать, что кризисы бывают – ничего такого, что сделало бы кризисы невозможными, в природе не существует, а потому надо просто все время быть бдительными и не расслабляться, как бы этого порой ни хотелось. Надо пристально вглядываться в окружающий мир, постоянно вырабатывать свою собственную точку зрения и не попадаться на удочку расхожих представлений, вроде того, которое авторы книги взяли в качестве заглавия: «На этот раз все будет иначе».

Надеюсь, что таких читателей у книги будет много. Во время экономических кризисов всеобщее «думать – трудно» сменяется более оптимистическим «думать – нужно». А пищу для ума, как мы уже говорили, книга дает.